

Julia Kraszeninnikowa

Komi Scientific Center of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

**«Просьба на мяч»: о редких записях
свадебных приговоров из Вологодской губернии
кон. XIX – нач. XX вв.
(несколько замечаний о специфике
жанровой разновидности)**

**“Request on a Ball”: About Rare Records of Wedding Speeches
from the Vologda Province of the end 19th – early 20th Century
(Some Remarks About Specific of a Genre Version)**

ABSTRACT: The work is devoted to the analysis of quite rare kind of wedding speeches occurring in a ceremony of the part of Vologda province in the end 19th – early 20th century. The author considers features of functioning of the text in a wedding ceremony, national terminology, the territory of distribution, poetic features, a ratio of all-Russian and regional components in the texts. It is shown that by means of these texts the party of the bride implicitly declared about her physical and emotional preparedness for marriage because the themes of female physical beauty, health, portliness, youth, fertility, complaisance, etc. are emphasized in these texts.

KEYWORDS: Russian wedding ceremony, “speeches on a ball”, the Vologda province, poetics

В свадебном обряде приговоры являются частью репертуара многих свадебных чинов и зрителей ритуала (дружка, подруги невесты, сваты, тысяцкий, присутствующие гости, неприглашенные зрители, местные жители и проч.), они комментируют, организуют ритуальные акты, координируют действия участников свадьбы. Как показывает текстовый материал, в русской свадьбе языком приговоров «владели» практически все персонажи (автор солидарен с высказавшей эту мысль д.филол.н. К.Е. Кореповой), одни в большей, другие в меньшей степени. Анализ имеющихся материалов показывает, что ритуа-

лизованным и спонтанным репликам и речам участников свадьбы «повезло» в разной степени: одни закрепились в обряде и получили развитие, другие модифицировались вслед за обрядом, третьи, видоизменившись незначительно, сохранили свою вербальную манифестацию и функцию, и наконец, тексты, потерявшие свою актуальность, редуцировались или утратились вовсе за ненужностью.

Говорной¹ репертуар русской свадьбы весьма разнообразен и, по большей части, локален. В отличие от приговоров свадебных дружек и сватов, обнаруживающих на территории России почти повсеместное распространение (учитывая опубликованные и архивные источники, преимущественно европейская часть, точно в Сибири, Забайкалье), география бытования многих других жанровых разновидностей, в числе которых, приговоры девушек (на свадебное деревце, на зайчика, на глиняный пирог, на «выход с конем», росписи приданого, свадебные указы), приговоры приглашенных гостей, зрителей обряда, местных жителей и др., ограничивается определенной территорией.

Настоящая работа касается одной довольно редкой разновидности свадебных приговоров, бытовавшей в обряде Вологодской губернии. В архивных и опубликованных материалах зафиксировано несколько вариантов номинаций интересующих нас текстов; корреспонденты, краеведы называют эти тексты *статья* («*Статья*, которая рассказывается поезжанам, <...> когда мужики просят у тысяцкого на меч»²), *речь* («Просит “на рогозку” ... один крестьянин <...>, который знает особую речь»³; «местные крестьяне держат к жениху следующую *речь*»⁴), *просьба на мяч* («Просьба на мяч», после чтения которой жених дает деньги «на водку мужикам всей деревни»⁵), *причет* («На мяч просят особым *причетом*. <...> В причете много непечатных слов»⁶).

¹ Термин, предложенный Г.А. Левинтоном (Г.А. Левинтон, *Замечания о жанровом пространстве русского фольклора*, [в] *Судьбы традиционной культуры: Сборник статей и материалов памяти Ларисы Иевлевой*, Санкт-Петербург 1998, с. 65–66); ср. также мнение Б.Н. Путилова о делении жанров по способу произношения: тексты, которые поются, сказываются и говорятся (Там же, с. 65, сн. 24).

² Государственный архив Вологодской области (далее ГАВО): Ф. 4389. Оп. 1. Д. 344. Л. 3 (зап. в Чучковской вол. Тотемского у., 1924 г.).

³ *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева*. Т. 5. Ч. 2, Санкт-Петербург 2007, с. 772 (зап. в Пельшемской вол. Кадниковского у., 1898–1899 гг.).

⁴ Архив Российского этнографического музея (далее РЭМ): Ф. 1. Оп. 2. Д. 433а. Л. 181–182 (зап. в Шапшенской вол. Кадниковского у., до 1903 г.).

⁵ *Русские крестьяне...*, с. 638, 639 (зап. в Кубенской вол. Кадниковского у., 1898 г.).

⁶ Там же, с. 731 (зап. в Михайловской вол. Кадниковского у., 1898–1899 гг.). О номинировании свадебных приговоров в научном узусе и народной среде, особенностях народной терминологии (Ю.А. Крашенинникова, *Свадебные приговоры в свете народной терминологии*, «Традиционная культура: научный альманах» 2011, № 3, с. 70–80).

Чаще в описаниях обряда и комментариях к текстам содержатся указания на функциональное назначение этой разновидности приговоров и форму обращения, называется используемый в ритуальном акте атрибут, характеризуется говорящий или группа лиц, которая его сопровождает: «мужики просят денег “на мяч” (в Двиницкой и Кодановской [волостях – Ю.К.], на рогожу). <...> Эти деньги идут на выпивку мужиков той деревни, где живет невеста»⁷, «За третьим кушаньем приходят с поезжан просить “на рогозку”, это собственно выкуп женихом невесты у ее односельчан. Просит “на рогозку” <...> один крестьянин прихожанин, специально занимающийся этим и бывающий на всех вблизи свадьбах...»⁸, «один [из мужиков] просит на “рогожу”»⁹, «мужики просят на табак, а парни на мяч»¹⁰, «[одно]деревенцы (так в публикации – Ю.К.) невесты просят с жениха на “рогозку”. <...> После мужиков парни просят “на меч”»¹¹, «собираются соседи и требуют “на мяч”»¹², «посторонний мужик или парень <...> просит у него [тысяцкого – Ю.К.] на мяч, следующими словами»¹³, «один из невестиной родни побойчее, умеющий говорить, ... «просит денег на мяч»¹⁴.

Таким образом, посредством этого текста односельчане невесты мужского пола (мужчины, парни) в форме просьбы обращаются к поезжанам (жениху, тысяцкому) для получения выкупа за невесту. Свидетельство Н.А. Иваницкого наиболее близко к объяснению названия этих приговоров: «в прежнее время в день свадьбы невестины соседи и другие мужчины играли на улице в этот мяч; мяч жених возил с собой и отдавал его в пользу невестиных соседей; ныне жених мяча с собою не возит, а деньги, собранные на мяч, теперь идут на попойку»¹⁵. Корреспонденты «Этнографического бюро» отмечали, что на полученные от поезжан деньги прежде «выкупали мяч и играли

⁷ *Русские крестьяне...*, с. 459 (зап. в Грибцовской вол. Кадниковского у., 1897–1898 гг.).

⁸ Там же, с. 772 (зап. в Пельшемской вол. Кадниковского у., 1898–1899 гг.).

⁹ Там же, с. 467, 476 (зап. в Двиницкой вол. Кадниковского у., 1897–1898 гг.), с. 560 (зап. в Рубежской вол. Кадниковского у., 1897–1899 г.).

¹⁰ Там же, с. 615 (зап. в Сямженской вол. Кадниковского у., 1897–1899 гг.).

¹¹ Там же, с. 110 (зап. в Авнегской вол. Грязовецкого у., 1898 г.).

¹² *Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н.Тенишева*. Т. 5. Ч. 1, Санкт-Петербург 2007, с. 577 (зап. в Богословской вол. Вологодского у., 1897 г.).

¹³ М. Куклин, *Свадьба у великоруссов (Вологодская губ.)*, «Этнографическое обозрение» 1900, № 2, с. 101 (зап. в Стрелицкой вол. Тотемского у.).

¹⁴ Н.А. Иваницкий, *Материалы по этнографии Вологодской губ.* [в] *Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Известия Имп. ОЛЕАиЭ*, Москва 1890, вып. 2, с. 103.

¹⁵ Там же, с. 104.

им во время свадьбы, а теперь деньги идут на водку»¹⁶, «Деньги <...> или пропивают миром, или употребляют на устройство каких-нибудь удовольствий для молодежи»¹⁷.

На эти приговоры и сопровождающий их этнографический контекст в связи с символикой и семантикой мяча в свадебном обряде обращает внимание Т.А. Бернштам¹⁸, часть материалов, которые мы привлекаем, исследовательница анализирует в работе. Рассматривая этнографические комментарии к фольклорным текстам, описания свадебного обряда отдельных локальных территорий Вологодчины, свадебный и песенно-игровой фольклор севернорусских, верхне- и средневолжских районов России, в текстах которого появляется образ мяча или мяч, как основной компонент игрового действия, Т.А. Бернштам заключает, что «фольклорная и игровая символика мяча / шара находится в круге переживаний древних брачных форм», связанных со свободным выбором¹⁹; позднее социальное переосмысление этих переживаний в свадебном обряде связано с эволюцией представлений «от прав на девушку мужчин ее рода – до понятия “чести рода”»²⁰. На материале поздних записей игры в мяч И.А. Морозов отмечает, что более ранние мотивировки обычая «просить на мяч» имеют самое прямое отношение к обрядово-магической стороне ритуала: просьба подать денег «на мяч» объясняется необходимостью отблагодарить мужскую половину деревни невесты за то, что уберегли ее от «всякого лихого человека»²¹.

Нас эти тексты интересуют преимущественно в плане их поэтико-художественных особенностей, проявления общерусского / регионального в вологодских записях «просьбы на мяч».

В архивных материалах и публикациях фольклорные тексты *«просьбы на мяч»* зафиксированы в расположенных рядом Тотемском (2 единицы) и Кад-

¹⁶ *Русские крестьяне...*, т. 5, ч. 2, с. 731 (зап. в Михайловской вол. Кадниковского у., 1898–1899 гг.).

¹⁷ *Русские крестьяне...*, т. 5, ч. 1, с. 577 (зап. в Богословской вол. Вологодского у., 1897 г.).

¹⁸ Т.А. Бернштам, *Мяч в русском фольклоре и обрядовых играх*, [в] *Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов*, Ленинград 1984, с. 162–171.

¹⁹ Там же, с. 170.

²⁰ Там же, с. 171.

²¹ И.А. Морозов, *О ритуально-обрядовой основе старинных мужских развлечений*, [в] *Сохранение и возрождение фольклорных традиций. Традиционные формы досуга: история и современность*, Москва 1994, с. 103.

никовском уездах (7 единиц)²²: из них пять текстов опубликовано²³, четыре, записанные в разные годы в период 1890–1924 гг., мы обнаружили в архивных коллекциях государственного архива Вологодской области, Российского этнографического музея, Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Авторы опубликованных и архивных материалов практически единодушны при упоминании о времени и месте исполнения приговоров «на мяч» – в доме невесты до венца: отмечено, что этот текст произносился в доме невесты во время «свадебных столов»²⁴, во время или после подачи третьего блюда в доме невесты²⁵, после получения женихом и невестой благословения перед выходом свадебщиков из дома и отъездом свадебного поезда в церковь²⁶. Приговор исполнялся мужчиной или парнем из местных жителей (вар.: «один из невестиной родни побойчее, умеющий говорить»²⁷), был адресован «поезжанам, главным образом, тысяцкому»²⁸, жениху с целью получения с них денег на угощение и трактровался как мотивированный выкуп женихом невесты у односельчан. Корреспондент «Этнографического бюро» И.Г. Шадрин подчеркивает, что текст произносился знающим «особую речь» специалистом из местных жителей: «*Просит <...> “на рогозку” ... один крестьянин прихожанин, специально занимающийся этим и бывающий на всех вблизи свадьбах, который знает особую речь ... и которую он унаследовал от отца: в роде их это наследственное ремесло*» <...>²⁹.

Собственно, содержание текстов в лаконичном пересказе представлено одним из корреспондентов «Этнографического бюро»: «*На мяч просят особым причетом, в котором просящие говорят, что у них на деревне праздник (т.е. свадьба), что не худо бы повеселиться, а они теперь между тем как обносились, что у них и то, и то голое, и это видно, и что поэтому не могут придти*

²² Преимущественно распространение и широкое бытование этих приговоров в Кадниковском уезде подкрепляется, в частности, тем, что сочетание *на рогозку* со значением 'выкуп за невесту деревне, соседям' включено в Словарь местных слов и выражений (*Русские крестьяне...*, т. 5, ч. 2, с. 759). Попутно заметим: география распространения обряда «прошения на мяч / рогожу» шире; упоминания отмечены в записях из Кадниковского, Тотемского, Грязовецкого, Вологодского уездов Вологодской губернии (об этом говорит и Т.А. Бернштам (Т.А. Бернштам, *Мяч в русском фольклоре...*, с. 162)).

²³ Н.А. Иваницкий, *Материалы...*, с. 103–104; М. Куклин, *Свадьба...*, с. 101–102; *Русские крестьяне...*, т. 5, ч. 2, с. 467–468, 638–639, 772–773. Последние три текста – материалы архивного фонда «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева, записаны в 1897–1899 гг.

²⁴ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 3 (зап. в Тотемском у., 1924 г.), Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 433а. Л. 181 (зап. в Кадниковском у. до 1903 г.).

²⁵ М. Куклин, *Свадьба...*, с. 101

²⁶ Н.А. Иваницкий, *Материалы...*, с. 103.

²⁷ Там же, с. 103.

²⁸ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Ед. хр. 344. Л. 3.

²⁹ *Русские крестьяне...*, т. 5, ч. 2, с. 772.

на праздник, а потому нельзя ли сначала с жениха получить, принарядиться и потом уже идти на праздник»³⁰. Цитированный пересказ, на наш взгляд, весьма схематичен, упрощен и, к сожалению, не дает представления о содержательном плане «просьбы на мяч», однако лаконичное изложение содержит одну из версий мотивировки получения выкупа от стороны жениха.

В имеющихся текстах устойчивы, повторяются из записи в запись, следующие мотивы и типизированные описания. Во-первых, говорящий представляется (например: «Я человек не шведский, не турецкий, я просто российский волох³¹, полна у меня пазуха блох, отчасти вшей на голове довольно, да так же, господа, у нас вшей не плодится, такие вот мы мастера с ними водиться, гребешков никогда не покупаем, только пальчиком поковыряем, да тот и оставляем...»³²); указывает, что он вместе с «рабочим народом» поджидал свадебный поезд и готовил дорогу, чтобы поезжане проехали («Вот, господин тысячкой, мы вас поджидали, путь-дорожку вертали, горы срывали, холмы-рвы землей засыпали, через речки моста настилали, дальше столбы становили, на столбах номера-цифры выводили, чтобы могли видеть ваша милость, сколько проехали, сколько не доехали. Нас работало сорок братьев с братом, сорок лопат с лопатой, изломали сорок тупиц с тупицей, сорок заступов с заступом...»³³), просит вознаграждение за работу «на меч, на шерсть рубликов шесть». В тексты включены «портретные» описания присутствующих (собирает характеристика «крестьянского мира»). Неоднократно проговаривается просьба дать выпить: «сколько я с вами хлопотал, язычок мой приустал. Позвольте в горлышке помочить. Я в горлышке помочу и еще с вами похлопочу...»³⁴; подобная «просьба» является стабильным компонентом многих текстов приговоров и в ряде случаев служит для связи или разделения разных по тематике и содержанию фрагментов повествования³⁵.

³⁰ Русские крестьяне..., т. 5, ч. 2, с. 731.

³¹ В «Словаре русских народных говоров» *волох* имеет довольно много значений, однако исходя из контекста (просящий на мяч говорит о «полной блох пазухе», большом количестве «вшей на голове», подчеркивая тем самым свою физическую нечистоту, нечистоплотность), ближе всего значение *Волоха* – неряшливая женщина, грязнуля. Тюпск., Локр. Иссык-Кульск., 1953–1957. <...> Растрепанная, неопрятная женщина. Саратов, 1918. Тюпск., Покр. Иссык-Кульск. (Словарь русских народных говоров, Ленинград 1970, вып. 5, с. 67).

³² ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Ед.хр. 75. Л. 5.

³³ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Ед.хр. 344. Л. 3об.–4.

³⁴ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Ед.хр. 344. Л. 3.

³⁵ Такую же функцию в свадебных приговорах выполняет – молитвенное обращение «Господи Иисусе Христе, сыне Божий наш, помилуй нас».

Сравнительно-текстологический анализ вологодских записей демонстрирует весьма продуктивное использование создателями текстов художественно-поэтических средств, стилистического репертуара, композиционных приемов жанра приговоров. Так, в «просьбах на мяч» встречаются формулы, типизированные описания, характерные для приговоров дружек, например: «Все ли вы за столом, нет ли кого на дворе за столбом, все ли в скопе, нет ли кого в ...»³⁶, «подойти поближе, поклониться пониже»³⁷, «Ножка с подходцем, ручка с подносцем, голова с поклонцем, язык с приговорцем»³⁸ и мн.др.

В текстах дружек и просящего «на мяч» отмечены близкие по содержанию самохарактеристики, самоидентификации представляющие собой уничижительные, ироничные отзывы говорящего о себе (например: «...я не шведский и не турецкий, я человек русский не плох, у меня полная пазуха вшей да блох, около поясицы как белые брусицы, а около ... как белых лебедей...»)³⁹. Близкими по текстовой манифестации описаниями в приговорах разных участников свадьбы оформляются требования выкупа:

³⁶ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Ед.хр. 344. Л. 3. Вар. см.: И.В. Зырянов, *Чердынская свадьба*, Пермь 1969, с. 136; П.В. Шейн, *Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах: Материалы, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном*. Т. 1. Вып. 2, Санкт-Петербург 1900, с. 483 и др.

³⁷ ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 5. Используется в качестве характеристики «походки» персонажей (родителей невесты, жениха, дружки), вар. см.: А. Васнецов, *Песни северо-восточной России. Песни, величания и причеты, записанные в Вятской губернии*, Москва 1894, с. 288; Д.К. Зеленин, *Свадебные приговоры Вятской губернии. Записал и снабдил комментариями Д.К. Зеленин*, Вятка 1904, с. 15 и др.

³⁸ Архив РЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 433а. Л. 181. Формула используется для характеристики свадебных персонажей (дружки, жениха, поварики, молодой пары), встречается в записях приговоров многих локальных традиций России; широкое распространение и устойчивая форма позволили В.И. Далю выделить ее как поговорку с функцией – произносится при «потчевании на свадьбе» (В.И. Даль, *Пословицы русского народа*, Москва 1989, т. 2, с. 249).

³⁹ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Ед.хр. 344. Л. 3. См. в приговорах дружек: «Я сам пришел из конторы, // Я не шведкой, // Не немецкой, // Человек Российский, // Отдаю вам поклон низкий...» (Архив Русского географического общества. Р. 18. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 3об.–4. Зап. Вишневецкий П. 30.12.1853 г. в с. Воздвиженское Кинешемского у. Костромской губ.); «Поезжаны у нас все ученые. // Я один, дружка, неученый, // Как топор неточеный. // <...> // А у меня, говорит, жена не пряха. // Мене дарите, // Чтобы вышла штаны и рубаха» (Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета: 1804–67. Зап. в 1990 г. от Е.Е. Бобровой, 1915 г.р., д. Бошары Мурашинского р-на Кировской обл.); «...У дружки голова худая. // Соломку уроните – // Дружке голову проломите...» (Архив кафедры фольклора Московского государственного университета (далее АКФ МГУ): ФЭ–16:5095. Зап. в 1988 г. от В.П. Зайковой, 1911 г.р., д. Нювая Подосиновского р-на Кировской обл.) и др.

«просьба на мяч»

*«Пожалуйте, господа, за труд, за работу, на мяч, на рогозу нам **шесть с полтинкой: шесть себе разделим, вам полтинку обратно сдадим да много вас поблагодарим...**»^a*

просьба «поднести выпить»:

«просьба на мяч»

«...Позвольте в горлышке помочить. Я в горлышке помочу и еще с вами похлопочу...»^d

приговоры девушек «на зайчика»
[При выносе «зайчика» девушки – подружки невесты просили «здарьнице»^b]:
[Заюшко] *Здарьнице попросил Небольшую часть – Рубликов шесть с полтинкой. Полтинку назад сдаем, А вам честь и славу воздаем^c*

приговоры дружки
...Свои приговоры лекомский дружка нередко прерывает словами:
Что-то у меня в роте пересохло: Подайте мне стаканчиков до шести – В роте отвести! В роте помочу, Ешиб с вам поговорю! (вар.: пошшолочу)^e.

¹ ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Ед.хр. 75. Л. 5–5об.

² Сдарье – ср. арх. денежные подарки невесте от родных и гостей; свадебные дары (В.И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Москва 1995, т. 4, с. 166).

³ Сказки и песни Белозерского края. Записали Б. и Ю. Соколовы, Москва 1915, с. 382, № 272 (зап. в Кирилловском у. Новгородской губ., 1909 г.).

⁴ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Ед.хр. 344. Л. 3об.

⁵ Д.К. Зеленин, Свадебные приговоры..., с. 33. Вар.: Русский фольклор Удмуртии, Ижевск 1990, с. 49–50; АКФ МГУ: ФЭ–18: 3284–3286, Котельнический р-н Кировской обл., 1992 г.

Весьма продуктивны для приговоров описания участников свадьбы и присутствующих на свадьбе зрителей – *малых ребят, красных девушек, добрых молодцев, молодых молодниц, старых стариков, старых старух*, которые в совокупности создают собирательный образ «крестьянского мира». Анализ персонажной системы приговоров свадебных дружек позволил сделать заключение, что описания каждой группы зрителей (дети, подростки, молодые замужние и женатые персонажи, пожилые люди) строятся по нескольким параметрам, а набор поэтических средств для изображения каждой группы

достаточно стабилен⁴⁰. Благодаря включению в поэтические тексты характеристик присутствующих персонажей жених и невеста дистанцируются от лиц, не готовых к браку, не достигших или перешагнувших рубеж детородного возраста, способных навлечь на молодоженов физические страдания, неспособность к деторождению, отсутствие благополучия (т.е. стариков, детей) и приближаются к группе лиц, в описаниях которых концентрируется информация с положительным значением. В частности, в характеристиках молодых женатых мужчин и замужних женщин акцентируется внимание на тех свойствах и качествах, которыми должны обладать главные персонажи обряда – здоровьем, фертильностью, добром, умом, красотой, удачливостью, благополучием. В свадебных приговорах обнаруживаются явные переклички при описании молодых женатых персонажей и молодоженов, что позволяет «вписать» молодоженов в новую социально-возрастную группу и наделить их исключительно положительными характеристиками⁴¹.

Особенностью вологодских приговоров «на мяч» является наличие в них женских характеристик (незамужние девушки, молодые замужние женщины, невеста, старые старушки) непристойного, эротического содержания, насыщенных обценной лексикой (зачастую выделенной многоточием или вычеркнутой корреспондентами и публикаторами, но «прочитывающейся» из контекста), непристойными выражениями с двусмысленным толкованием, имеющими переносное значение в области сексуальной семантики.

Так, в женских характеристиках обыгрывается ряд мотивов и тем, встречающихся в других фольклорных жанрах. Например, в описании невесты угадывается мотив *vulva dentata*, широко известный в мифологии разных народов, зарегистрированный, в частности, в заветных сказках⁴²: просящий на «мяч», уверяя поезжан, что невесту «20 лет стерегли и берегли, чтобы со стороны не у...ли», замечает «господа, все враки, что в п...де раки; я сегодня сцупал, есть и щуки с маленьким ершиком»⁴³. В собирательной характеристике «самых дряхлых старушек» реализуется трагический мотив омоложе-

⁴⁰ Поразительную стойкость, однотипность и широту географического распространения характеристик девиц, малых ребят, старух, стариков отмечали А.К. Мореева, анализирующая свадебные приговоры дружек разных регионов России (А.К. Мореева, *Традиционные формулы в приговорах свадебных дружек*, [в] *Художественный фольклор*, Москва 1927, вып. 2–3, с. 123–124), Ю.Г. Круглов (Ю.Г. Круглов, *Свадебные приговоры как жанр*, [в] *Жанровая специфика фольклора*, Москва 1984, с. 84).

⁴¹ Об этом: Ю.А. Крашенинникова, *Персонажи в приговорах свадебных дружек: образы участников ритуала*, «Традиционная культура: научный альманах» 2006, № 3, с. 23–31.

⁴² Б.А. Успенский, «*Заветные сказки*» А.Н. Афанасьева, [в] Успенский Б.А., *Избранные труды*. В 2-х тт. Т. 2, Москва 1994, с. 138 ([в] http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Uspen_Afanas.html (20.12.2016 г.)).

⁴³ *Русские крестьяне...*, т. 5, ч. 2, с. 638.

ния и преобразования их в результате лечения в «славных молодухек»: *«Вот, господин тысячкой, есть еще сорок три старушки, самые дряхлые, ведут друг дружку, да все вместе и упадут. Эти старые старушки, обтертые об шесток у них ... Так позвольте рубликов пять, станем ихние ... починять, сходим в город, купим травы листушки, обложим ихние ... Так они будут славные молодухи»*⁴⁴, отсылающий к волшебной сказке с мотивом преобразования старого персонажа в молодого, красивого, физически и нравственного привлекательного, обладающего телесной красотой героя⁴⁵. Положительная семантика образа *славных молодухек* подкрепляется собственно номинацией (*молодушки*, т.е. молодые замужние женщины) и дублируется эпитетом *славный*, значения которого позволяют охарактеризовать женщин как физически развитых, наделенных многими положительными качествами, в числе которых красивая внешность, фертильность, умение расположить к себе и проч⁴⁶.

В приговоры «на мяч» включаются созданные с помощью приема «поэтического отстранения»⁴⁷ комические изображения-«картинки», которые содержат иносказательные описания совокупления, например: *«вошь схватилась с петухом драться: петух-то ее топчет, а вошь под ним клокчет»*⁴⁸.

Благодаря использованию слов с двойной семантикой некоторые характеристики получают двоякое прочтение, одно из которых эротического содержания. О таком приеме, который основывается на двусмысленности того или иного глагола (например, *дать, нежить, решетить*), и наряду с основным

⁴⁴ ГАВО. Ф. 4389. Оп.1. Ед.хр. 344. Л. 5.

⁴⁵ Об этом, например, см.: Т.В. Краюшкина, *Мотивы тела и телесных состояний человека в русских народных волшебных сказках Сибири и Дальнего Востока*, Владивосток 2009, с. 40.

⁴⁶ *Славный* – опытный, знающий, положительный по своим качествам, отличный, почетный (*Словарь русских народных говоров*, Санкт-Петербург 2004, вып. 38, с. 217–218); <...> *разг.* Располагающий к себе, симпатичный; имеющий приятную внешность, хорошенький; *разг.* Доставляющий удовольствие, приятный (Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*, Москва 2000 (<http://www.efremova.info>)).

⁴⁷ Введен и описан В.Б. Шкловским, школа формального литературоведения; по замечанию Б.А. Успенского, отстранение типично для эротической тематики (Б.А. Успенский, *«Заветные сказки»*..., с. 139, также см. сн. 57).

⁴⁸ *Русские крестьяне*..., т. 5, ч. 2, с. 638. Варианты этого устойчивого описания зафиксированы в приговорах дружек и лубочных картинках, ср. в приговоре дружки *«Ехал я, дружка, по вашей широкой и прекрасной улице и видел две вещицы на улице: петух курицу топчет, а за овином – воробей воробку»* (П.В. Шейн, *Великорусс*..., с. 683), приговоре жениха в доме невесты перед венцом *«Я теперь шел-пошел, за ворот зашел: петух курица топчет, воробей воробушу...»* (Фольклорное собрание Национального музея Республики Коми: КП 12482. Л. 204. Зап. Ст. Ал. Марков до 25.08.1935 г. в с. Чернутаево Удорского р-на Республики Коми от Е.А. Селивановой, 1898 г.р.; вар.: АКФ МГУ: ФЭ–11: 7408, № 3); в лубочной картинке «Разговор между женихом и свахой»: *«...Вчерашняго числа гулял по улице и усмотрел, что петух топтал курицу и воробей воробку топчет, а она под ним клохчет»* (*Русские народные картинки. Собрал и описал Д. Ровинский*. В 3-х тт. Атлас. Т. 1. Кн. 1. № 137, Санкт-Петербург 1881).

своим значением имеет переносное в сфере сексуальной семантики, на материале заветных сказок говорит Б.А. Успенский⁴⁹. В «просьбах на мяч» обыгрывается, например, двойное значение глагола *дать*⁵⁰: «*Вот, господин тысячкой, есть еще у нас молодыестряпушки, это наши молодухи; вечером мутолками творили, по утра мисили не ржаной мукой, а крупчатой. Вот, господин тысячкой, им и не хошь да дашь, хоть в ... красный карандаш. Они нас кормят горячим, а мы их ... <...> Вот, господин тысячкой, есть у нас красные девушки, так позвольте им на белила да на мазила, да на мыло, да чтобы и нам **дать** было*»⁵¹.

Некоторые женские «портретные» изображения, несмотря на свою лаконичность, весьма содержательны и предельно выразительны за счет использования в них многозначных для народной культуры лексем. Так, для описания молодых девушек («*Наши девицы гладки, знают наши молодецкие ухватки. Саша да Маша, подруженьки наши, их не обойдешь, не объедешь, все к ним ночевать заедем*»⁵²) используется эпитет *гладкий*, который в сознании носителей традиции указывает на здоровье, дородность, ухоженность, физическую красоту, общительность, обходительность, т.е. физическую и нравственную состоятельность⁵³.

Относительно невесты мы встречаем фрагменты, в которых, напротив, педантируется тема ее невинности. Так, в одном из текстов просящего «на мяч» в описании полового органа невесты («*п...да не как Ракульская плетушка, а точно Питерская витушка*»⁵⁴) обыгрывается местный топоним, который сопровождается уточняющим комментарием публикатора (Ракульская – «деревня, где плетут брешчатые корзинки»⁵⁵). Собственно благодаря этому комментарию, наличию в нем «говорящего» признака предмета (*брешчатый*, от *брешь* – пролом в стене, в корпусе корабля и т.п.; 2) *перен.* нарушение целостности чего-л.; ущерб⁵⁶) актуализируется тема целомудренности невесты. В этом же описании в отношении просватанной девушка используется термин *витушка*, который еще раз подтверждает и закрепляет ее статус: из-

⁴⁹ Б.А. Успенский, «*Заветные сказки*»..., с. 140.

⁵⁰ «В непереходном употреблении этот глагол, как известно, означает “отдаваться мужчине”» (цит. по: Б.А. Успенский, «*Заветные сказки*»..., с. 140).

⁵¹ ГАВО. Ф. 4389. Оп. 1. Д. 344. Л. 4об.–5.

⁵² ГАВО. Ф. 652. Оп. 1. Ед.хр. 75. Л. 5.

⁵³ *Гладкий* – глаженный, лощеный, плавный; <...> о животном или человеке – жирный, тучный, здоровый, полный (В.И. Даль, *Толковый словарь*..., т. 1, с. 352); ухоженный, общительный, обходительный, ловкий, <...> Имеющий полное, красивое, чистое лицо [о человеке] и мн. др. (*Словарь русских народных говоров*, Ленинград 1970, вып. 6, с. 179–180).

⁵⁴ *Русские крестьяне*..., т. 5, ч. 2, с. 639.

⁵⁵ Там же, с. 639.

⁵⁶ *Словарь иностранных слов*. 15-е изд., испр., Москва 1988, с. 88.

вестно, что *витушками* на Вологодчине называли витые изделия из теста, они изготавливались и использовались в свадебном ритуале, играли важную роль в создании брачной символики⁵⁷.

Наконец, остановимся еще на одном, заключающем рукопись 1924 г. фрагменте, в котором эротическая продуцирующая символика «прочитывается» благодаря семантике отдельных «ключевых» слов: «...*Так вот, господин тысяцкий, станем ваших родителей поминать: Пегошу, Матюшу, хохлушу, трех Матрех да Луку с Петром и дядю Вахлыша, в ... луку не кроша, вот его душа. Помяните Мишку, Гришку во еловую покрыву, дядюшку Трифона и баушеньку в три ..., помяните еще Ермошку и батя с фунтиком немножко*»⁵⁸.

Оставим без внимания наши наблюдения о том, что цитированный фрагмент представляет собой пародию на поминальные молитвы об усопших, которые читались при ежедневных домашних молитвенных поминовениях усопших «родителей, сродников, знаемых и благодетелей»⁵⁹. В пользу этого предположения говорят использованные в тексте лексема *поминать* (в числе значений которой ‘молиться о здоровье живого или об упокоении умершего’⁶⁰) и сочетание *еловая покрыва*, вызывающее явную ассоциацию с похоронной обрядностью (*покрыва* – предмет, которым покрывают, крышка⁶¹, в народной обрядовой терминологии *крышкой* называют крышку гроба; ель связана с похоронной обрядностью, устойчив севернорусский обычай бросать еловые (вар.: пихтовые) ветки перед похоронной процессией).

Нас интересует перечень «поминаемых родителей», в котором кроме трех Матрех, Луки, Петра, Мишки, Гришки, называются некто хохлуша, дядя Вахлыш. Две последние номинации примечательны тем, что благодаря их лексическому и семантическому значениям этот фрагмент приобретает эротический оттенок. Так, обращение к диалектным и фольклорным данным показывает, что слово *хохлуша*⁶² в народных представлениях связывается с курицей, ко-

⁵⁷ А.В. Гура, *Хлеб свадебный*, [в] *Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н.И. Толстого*. Москва 2012, т. 5, с. 431.

⁵⁸ Архив Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника: Ф. 157. Оп. 1. Ед.хр. 118. Л. 7.

⁵⁹ О поминовении усопших: панихида, поминальная молитва, родительские субботы, [в:] <http://www.pravmir.ru/o-pominoventii-usopshix> (19.04.2016).

⁶⁰ Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского языка*.

⁶¹ *Толковый словарь русского языка*, Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. В 4-х тт. Москва 1939, т. 3, стлб. 506.

⁶² *Хохлуша* – хохлатая птица, курица; нечесаная, всклокоченная девка (В.И. Даль, *Толковый словарь...*, т. 4, с. 563), разг., то же, что *хохлатка, хохлатая птица, курица-хохлатка* (*Толковый словарь русского языка*. Под ред. проф. Д.Н. Ушакова, Москва 1940, т. 4, стлб. 1184); *хох-*

торая в свадебном обряде имеет брачно-эротическую символику⁶³ (попутно отметим, что эвфемизмы *хохол*, *хохол* в свадебных текстах употребляются в отношении невесты и окружающих ее молодых женщин для обозначения vulva⁶⁴). *ВахлЫш* (то же что *вахлАк*) в вологодском диалекте в числе значений имеет ‘*шишка, опухоль, волдырь*’ с пометой *простонародн.*⁶⁵, см. также *вахлак*, *вахлыш* – влгд. волдырь, желвак, особ. от ушиба; *шишка*, *опухоль*, *пухлый ушиб*⁶⁶ (*шишка* в народной терминологии – обозначение мужского полового органа, в культуре многих народов – фаллический символ мужской плодовитости⁶⁷, попутно отметим, что небольшие изделия из теста в виде *шишки* (рус. орлов., укр., белор.) наделяются в свадьбе фаллической символикой и используются с магической целью обеспечения деторождения⁶⁸). Собственно, благодаря этим номинациям в содержании фрагмента, заключающего весь текст просящего «на мяч», появляется невыраженное указание на символическое соединение молодых.

Таким образом, вологодские приговоры «на мяч» произносились представителем стороны невесты перед выездом к венцу, имели своей целью получить от поезжан выкуп за невесту (explicit function). Анализ содержания текстов позволяет говорить, что посредством этих текстов сторона невесты заявляла о ее готовности к браку (implicit function), поскольку в них подчеркиваются темы женской физической красоты, здоровья, дородности, ухоженности, молодости, фертильности, покладистости, нравственной со-

лаяя птица (разг.) (С.И. Ожегов, *Словарь русского языка*. Под ред. Н.Ю. Шведовой. Изд-е 18, стереотип., Москва 1987, с. 754),

⁶³ С.П. Бушкевич, *Курица*, [в] *Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей ред. Н.И. Толстого*. Москва 2004, т. 3, с. 62.

⁶⁴ Довольно много примеров предлагает свадебный фольклор, например, в песнях, которые поют невесте в бане: «Дуйся, хохол, // Раздувайся, хохол, // Послезавтра хохол // Будешь женихов...» (К. Мыльникова, В. Цинциус, *Северно-Великорусская свадьба*, [в] *Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР*, Ленинград 1928, с. 67); в приговорах дружки: «Благословите дружку князя // Молодых на подклет свести, // За хохол потрясти» (АКФ МГУ: ФЭ–18:5923. № 92. Зап. 1992 г. от Ф.К. Молчановой, 1906 г.р., д. Черновское Шабалинского р-на Кировской обл.; при проводах молодых на подклет), «...Тетушки-молодушки, // Белые лебедушки, // Порасшатитесь, порастравитесь // На все четыре стороны. // Надо вам на ножку не ступить, // Хохолки ваши не потрясти, // Нашего новобрашного князя // В несчастье не ввести» (*Свадебные приговоры Вилегодского района Архангельской области в устной и рукописной традиции XX в. (исследование и тексты)*). Сост., вступ. ст. и комментарии Ю.А. Крашенинниковой, Сыктывкар 2009, с. 86; просит пропустить к невесте; зап. в Вилегодском р-не Архангельской обл., 1996 г.) и мн. др.

⁶⁵ *Словарь русских народных говоров*, Ленинград 1969, вып. 4, с. 74.

⁶⁶ В.И. Даль, *Толковый словарь...*, т. 1, с. 168.

⁶⁷ Д. Тресиддер, *Словарь символов*, Москва 1999, [в] http://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/18.htm (22.04.2016).

⁶⁸ А.В. Гура, *Хлеб свадебный...*, с. 431–432.

стоятельности. В этом наши наблюдения существенно дополняют те выводы, к которым пришли Т.А. Бернштам, И.А. Морозов: фольклорные тексты, сопровождающие получение стороной невесты выкупа от жениха и благодарности за «сохранность» невесты, были призваны декларировать физическую и эмоциональную готовность невесты к замужеству. Благодаря включению в тексты женских характеристик и «картинок» эротического, непристойного содержания, посредством которых актуализируется тема сексуальной активности и разнузданности, эротизма и чрезмерной чувственности окружающей невесту женской стороны, осуществлялся символический переход невесты в другую социально-возрастную группу.